

ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ НОВОСИБИРСКОЙ АКТУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Станислав МИХАЙЛОВ

**Опыт спотыкающегося бега по текстам –
с подвалом, лестничными клетками, эркерами,
слуховым окном и вальмой.**

etage zero

Прочитал на «Авито» объявление о продаже «Поэзии» по сходной цене. А что за «Поэзия» такая? Ну, разумеется, мебель. Спальный гарнитур. Хочется спросить у вас, утомленные хайпом, полулюбимые внутрищеховыми разборками и премиальными дразгами поэты и прилегающие к ним издатели, классификаторы и читатели-почитатели: а к чему располагает подобная лежанка? Спать как убитому, дремать слегонца, просто валяться в легком поэтическом опьянении или же денно и ночью заниматься воспроизведением поэзии как таковой?

И собственно, что есть поэзия в первой трети XXI века? Задаваться риторическими вопросами, понятное дело, *pas comme il faut* – благо что ответов существует великое множество, и некоторые из них, скажем так, абрисно, кругами по воде, совпадают с моими представлениями о престарелой Эвтерпиде на фоне современного языкового ландшафта. Прочитую челябинского поэта и книгопродавца (единственного удобоваримого для меня уральца, не ходящего и не входящего в пресловутую «уральскую школу») Александра Самойлова: «Поэзия – это функция. В том смысле, что она сама по себе ничего не значит, но расставляет все по местам, организует пространство. Грубо говоря, поэзия – это некая точка зрения, которая позволяет то, что мы видим сейчас, увидеть под другим углом...»

Опять же из Самойлова: «Многие представляют поэзию как некую ценность. Я с ними не согласен и настаиваю: поэзия не должна быть ценностью. <...> Если мы начинаем относиться к литературе, к поэзии как к ценности, то это очень быстро порождает катастрофические последствия. После того как мы начинаем к чему-то относиться как к ценности, сразу возникает институт экспертов, то есть появляются

некие люди, которые решают: это поэзия, а это не поэзия. Как только возникает институт экспертов, одновременно возникает институт коррупции. Экспертное мнение начинает продаваться и покупаться... <...> А если мы имеем в виду, что поэзия – это определенный взгляд, определенные условия говорения о чем-то, но никак не ценность, то мы снимаем достаточно большой пласт вопросов. Таких как «что есть литература?», например. Поэзия не ценна сама по себе, но очень ценна как принцип организации пространства, слов, мыслей, стилей».

В качестве картинки из букваря прилагаю забавный и весьма поучительный стишок Александра Самойлова:

Ты не смотрел ни одного фильма
Ингмара Бергмана?
Восполни этот пробел немедленно!
Я его восполнил давным-давно
фильмом «Макар-следопыт».
Он про то, что мир взрослых –
это мир, в котором ты убит.
А в мире детей ты убит, но снова встаешь,
вынимаешь из-за голенища
деревянный нож
и отрезаешь железному танку башку.
Миру – мир, говоришь,
и мир отвечает: ку-ку!

Позволю себе еще злоупотреблять цитатами. На сей раз из книжки Виталия Кальпиди «Философия поэзии». Уральская школа поэзии (для тех, кто не знал) инспирирована именно им. «Поэзия вовсе не «предельно точное словоупотребление», поэзия – это спланированная цепочка языковых неточностей. Поэзия получается, когда язык вступает в конфликт с речью поэта, результатом чего является авторская интонация, хотя она вовсе не авторская, а чья-то иная... Впрочем, это важно для самого поэта, а не для читателя. Для читателя важна чистота помыслов. И незамутненность замыслов...»

Мне кажется, что всю эту чистоту и незамутненность (понятые на свой лад, конечно же) нещадно эксплуатируют раскрученные сетевые поэты – к вящей радости жадной до псевдодружеской фамильярности онлайн-аудитории.

«Поэзия – воображаемое оружие» – определение, подаренное новосибирским поэтом Андреем Ждановым (или же украденное мною из его нового стихотворения). Остается воспроизвести текст.

представляя Твой посох,
я думаю,
что он как посох Гэндальфа –
испускает огонь.
тем не менее,
как говорится –
Твой жезл и Твой посох,
они успокаивают меня,
и не убоюсь зла,
даже если пойду
и долиною смертной тени.

Твой меч обоюдоостр,
я вижу его извлеченным из старого
мшелого камня,
вознесенным устрашающе
сильной рукой посмевшего
дерзко вернуть его к жизни
для смерти врагов,
он рубит их головы лучше
презренного топора
в руках
наемного ката.

я иногда думаю про Твой кастет,
который Ты прячешь
в нагрудном кармане у сердца, –
он из золота
девятьсот девяносто девятой пробы:
он становится единым кольцом,
когда Твои пальцы
проникают
в его отверстия –
покой и воля богов распространяется вокруг
в мгновение его блеска.

когда я представляю Твой пистолет,
то предполагаю

удобный и быстрый инструмент
ближнего боя,
который может послужить защите
чести и достоинства;
он хлыст возможного возмездия
или мести,
аргумент
неожиданной справедливости.

Твой автомат Калашникова
тоже видится мне золотым:
свет отражается на его теле,
делает его как будто
теплокровным животным,
до поры до времени спящим;
Ты держишь его на руках
и поглаживаешь по спинке,
он тихо-тихо мурлычет,
но в любую секунду
готов зарычать.

стремительный танк Твой
на земле,
а крейсер на море
сделаны из крепких, но легких сплавов;
словно благая весть,
они появляются в разных местах
и приносят мир отчаявшимся,
дают отдых рабам
и успокоение страждущим;
не пробить их броню,
не погнуть их орудия:
несокрушимы они,
ибо Ты там у них внутри.

когда я думаю о Твоем
оружии массового уничтожения,
о Твоей атомной бомбе

или другой подобной удивительной вещи, я представляю Любовь, которая разорвет нас на части.

Love will tear us apart again...

etage primus, a, um **Сергей Шуба. «Слепые пятна» (Новосибирск, 2020)**

Сидим с Олегом Полежаевым, новосибирским поэтом, философом, критиком, книгоиздателем, культуртрегером – он же Даос Агарков для друзей в фейсбуке – возле какой-то «тосовской» открытой эстрады. Пьем кизлярский коньячок и беседуем о новой книжке Сергея Шубы «Слепые пятна», как, впрочем, и о других свежих изданиях новосибирских актуальных поэтов.

С. М.: Олег, открой сей фолиант на любой странице, пожалуйста.

О. П.: Страница 59.

С. М.: Читай.

О. П.: Пьяный, яблоко зажав в пальцах, от кого-то на скамье прятался.

С. М.: Это, я так понимаю, эпитафия. Да, две строки замечательного поэта-пост-футуриста Петра Чейгина. Ну, давай уж, читай текст Шубы.

О. П.: ходишь по квартире босая
волосы не заплетая
дедушка беду твою знает
на приморскую уехал на трамвае

никого не пожалеет вертинский
зря ты слушала в библиотеке пластинку

кажется отдернешь занавески
под окошком курит достоевский

что бесцельно сочинять себе счастье
вот пропал уже и лунный отпечаток

С. М.: И что можешь сказать?

О. П.: Ну, ничего так. Но то, как Сергей пишет сейчас, почти всегда непонятно. Не вполне понимаю, о чем этот ассоциативный поток.

С. М.: Что еще можешь добавить?

О. П.: Книга очень симпатичная с издательской точки зрения, с приятной эстетикой – и взгляду и ощупи. А если о содержании говорить – я все еще читаю ее, открываю выборочно и... одно-два стихотворения. От корки до корки чтобы – я вообще очень редко сейчас поэтические книги воспринимаю. Так что очень удачно совпадает название с моим способом чтения: «слепые пятна» – как неспособность к целостному восприятию.

С. М.: О поэтике Шубы что скажешь?

О. П.: Если честно, поэтически мы с Сергеем разошлись уже на большое расстояние, мне кажется. Я читаю его стих и, как правило, просто вижу что-то несомненно, безусловно прекрасное, но я не понимаю его. Или почти не понимаю. Или, может быть, просто даже и не хочу понимать. Эти тексты слишком герметичны для меня. Мне гораздо ближе прошлые, семи- или даже десятилетней давности. При этом (а может, благодаря этому) поэтика Шубы легко опознаваема. Во всяком случае, для моего не такого уж большого поэтического бэкграунда.

С. М.: Я, впервые взяв книжку в руки, испытал какую-то наивную радость, просто прикасаясь к обложке. Тактильное удовольствие получаешь, ну и картинки на обеих сторонах обложки дивно хороши у Леры Яковлевой. И что еще про Шубу – ты сказал, что меняется, и не совсем в правильную сторону?

О. П.: Кто, Шуба? Куда надо меняется. Но мне нравятся больше стихи десятых – пятнадцатых годов.

etage secundus, a, erum **Олег Копылов. «Тюильри» (Москва, 2019)**

С. М.: А что скажешь о новой книжке Олега Копылова?

О. П.: Эта книга тоже симпатичная, но иначе. Если «Слепые пятна» напоминают теплую, уютную, насквозь родную, но тесную каморку, то «Тюильри» – это будто вый-ти из этой каморки на воздух: свежо, просторно и прохладно. Я сейчас об эстетике книгоиздательской говорю, не о стихах. Ты заметил, как даже на цветовом уровне они противоположны?

С. М.: Да, конечно, у Сергея Шубы обложка с акварельными, серо-бело-палево-охристыми потеками и силуэтами. А у Копылова сплошная лазурь разлита и какая-то полузасохшая ветка-ранетка на этом фоне – между прочим, авторская работа самого Олега. Как тебе стихи Копылова, на твой взыскательный вкус? Можешь ответить со всей свойственной тебе вьедливостью.

О. П.: Это, может быть, прозвучит странно, но стихи Сергея и стихи Олега в этих двух книгах для меня выглядят как родные братья. Братья, но не близнецы, не двойняшки – отнюдь. Хотя некоторые отдельные тексты можно и спутать иногда, если увидеть их без авторства, но это на поверхностном уровне. У них, вероятно, общий генезис, но какой – уверенно не скажу, я плохо разбираюсь в лицах современной поэзии за пределами новосибирского литературного поля. Может быть, Айги (тыкаю пальцем в небо, если честно). Так или иначе, я вижу общий какой-то базисный элемент, который мне сложно сейчас обозначить. Но у Шубы и Копылова разная оптика, если приглядеться, – вот что их отличает для меня.

С. М.: Позволю себе привести цитату московского поэта, музыканта и художника Василия Бородина из предисловия к «Тюильри»: «Собранные воедино, стихи Олега Копылова не только лирическое счастье-быть, но и своего рода credo, образец работы того, что можно назвать «совестью поэта». В каждом настоящем стихотворении звук и весь «ход формы», как дикий конь, хочет только бежать-лететь, набирать и показывать силу, быть совсем на свободе – а поэт-человек показывает этому коню тишину и, видя все пролетающие внизу неизбежные пропасти, без малейшей самоуверенности (незаметно и отчасти наугад) направляет к (иначе не назовешь) твердой земле и свету. В каждом стихотворении книги происходит именно такой спасительный поворот, но эта «повторяемость» центрального внутреннего события не вызывает ни малейшего подозрения в предзаданности или в «осторожничанье»: поэт каждый раз радостно рискует и искренне удивляется, что снова удалось добыть нечто редкое, ценное и незаменимое: назвать неназываемое».

О. П.: Давай уже про «Тюильри».

С. М.: Открываю книгу Копылова наугад – стихотворение на счастливой странице семь. Программное, можно сказать.

тюильри, лири, –
говорит сизая птица, –

это третья плоскость
по отношению к тебе.
сначала – бетон и железный пар,
область грома,
дождись трех свистков маневрового,
уходи на восток, к зеленому свету,

затем – сады гетеона,
это название комплекса

соледобычи,
три градирни пройди, за шлаковой кучей
услышишь лай псов, цокот копыт –
ступай в сторону от погони
к потоку,
послушай пеню на рассвете и тогда,
быть может

Олег Копылов, что называется, человек без кожи, куда ни ткни – везде нервные окончания и кровью сочащиеся ссадины. Поэзия Копылова своего рода корпия, вот он ее и щиплет, и сам себе к ранам прикладывает, успокаивается ровно на текст – это, наверное, и нам, читателям, позволяет увидеть сон золотой, а все одно – подспудно слышим мы, как хрустит у него на зубах тюильрийская черепица, да и в воспаленных очах его опять же она, кроваво-красная tuile.

etage tertius, a, um

Сергей Васильев. «Все лишнее» (Томск, 2020)

С. М.: Книжка Сергея Васильева «Все лишнее» – не кажется ли тебе, достопо-чтенный Даос, это названьице несколько претенциозным?

О. П.: ...

С. М.: Ну, не хочешь отвечать – не отвечай. Что думаешь о книге Васильева?

О. П.: О книге Васильева ничего определенного не могу сказать, я ее видел пока что только мельком. Наверное, как дурак скажу, но в случае с Васильевым я вижу все еще не раскрытый потенциал. Я понимаю (или мне кажется, что понимаю), что он делает (или пытается делать), но для меня во многих текстах не хватает недосказанности, а это, может быть, убивает поэзию. Есть искусственные лакуны в искусственных конструкциях. А может быть, это просто не мое совсем. Может быть, я слишком далек от «Воздуха» и современной европейской поэзии в целом.

С. М.: А мне кажется, у него комплекс вундеркинда: эти титанические потуги вписать экстраординарные вещи в провинциальную и даже – утрированно – местечковую обыденность вызывают подчас легкую идиосинкразию. Но в любом случае дебютная книга молодого поэта, на мой взгляд, состоялась. Это и развернутое высказывание, и акт(ы) морально-эстетического самобичевания, и некие аллюзии и реминисценции в постироническом ключе, и (наверное, самое главное лично для меня) пластическая свобода, и своя (пусть даже иногда уходящая в пунктир) интонация. Проиллюстрирую свои заметки на васильевском папирусе, васильевским текстом же, который джое мне нравится:

самогон дрожал царапал
ты читала чевенгур
мы смотрели цвет граната
застрелился ги дебор

ги дебор читал запоем
оттого он и помре
мы с егором ходим строим
с мертвым зайчиком в руке

он не солнечный не лунный
и никак не объяснить
белобокий похмельюжный
отчего не хочешь жить

etage quartus, a, um **Иван Полторацкий. «Черепеха» (Кемерово, 2019)**

С. М.: Следующий экспонат в нашей импровизированной экскурсии по градам и весям актуальной новосибирской поэзии – новая книга Ивана Полторацкого «Черепеха». После нескольких презентаций в Новосибирске поэт устроил обширное гастрольное турне, представив книгу в Нижнем Новгороде, Москве и Санкт-Петербурге. Соответственно, книгу можно купить в книжных магазинах поименованных городов.

О. П.: Честно – ужасная, на мой издательский взгляд, книга. То, что могло бы восприниматься как авангардный самиздатский прием (я об этих вот прыгающих шрифтах), в этой твердой претенциозной обложке выглядит как полная безвкусица. Здесь все получилось «чересчур», и, если бы я лично не знал Ивана – увидев эту книгу на магазинной полке, я бы не стал даже вчитываться в эти стихи, а, полистав и ужаснувшись, сразу бы поставил обратно на полку.

Опять же, я, кажется, не скрывал никогда, что мне нравится Иван более ранний (хм, может, я просто старпер уже, которому и трава раньше зеленой казалась?), периода начала нашего знакомства. Многие сегодняшние его тексты я просто не понимаю. Более того, я их даже не ощущаю почти. Поэтому стихи Ивана я читаю с большой осторожностью и подозрительностью, будто несущий в руке какой-то большой сосуд с неизвестной жидкостью, который очень не хочется случайно уронить и разбить, поскольку непонятно, что произойдет после этого – то ли отравись, то ли возвеселишься.

С. М.: Может быть, синкретически устроенному Ивану не хватает времени на алхимические опыты с собственными текстами? Он ученый, преподаватель, популяризатор науки, культутрегер, перформер, лидер музыкального проекта «Открытие порта» и культурного сообщества «Чердачок»... Безотносительно разнополярных оценок, стихи Ивана Полторацкого своего рода квинтэссенция актуальной сибирской поэзии. В качестве примера приведу стихотворение, выложенное в фейсбуке сравнительно недавно, по-моему – шедевр.

Памятник

Немцы в Пушкине стояли,
Пушкин немцам говорил:
я есть буква, буква алеф,
я – расстрелянный раввин,
кровь моя – вода в канале,
смерть моя – лицейский пруд,
вы воскреснете едва ли,
но я вечно буду тут,
сжавшись в ужасе, покорно,
в шевелящейся золе,
сотворенной, рукотворной,
первой буквой на земле.

etage quintus, a, um **Андрей Жданов. «Некрополь» (Новосибирск, 2019)**

С. М.: Долгожданная, простите за каламбур, книга Андрея Жданова «Некрополь». Не буду вдаваться в многослойные смыслы названия книги, разве что еще раз напомню: без «мертвой воды» и «живая вода» лишена всякого смысла. Андрей Жданов ни в коей мере не похож на своего знаменитого однофамильца Ивана Жданова. Роднит их, пожалуй, умение разглядеть высокое в обыденном и трагическое в повседневном. С моей точки зрения, Андрей Жданов своего рода градообразующее предприятие в современной актуальной сибирской поэзии. Масштаб словотворчества, размах стихостроительства поистине завораживает, и не суть важно, что именно он возводит: крепости, зиккураты, храмы, акведуки или же простые каменные бордюры вдоль дорог – все это прочно, долговечно и актуально. Согласен ли с этим Олег Полежаев, вместе с Сергеем Шубой подготовивший и издавший книгу избранных стихотворений Андрея Жданова?

О. П.: Сложно говорить о «Некрополе», поскольку к этой книжке я основательно приложил свою руку. То есть я вряд ли объективен, но в целом это определенно достойная книга достойного автора, не без небольших косяков, может быть. Одно могу сказать точно: мне не нравится получившаяся обложка, оба ее варианта, но это результат компромисса, достигнутого в ходе тройных переговоров издателя, автора и художника. Что касается содержимого, то Андрей Жданов как раз из тех поэтов, чей взгляд на мир мне довольно близок. Почти каждое (кроме разве что одного-двух процентов) его стихотворение я радостно и с удовольствием приветствую – это, кстати, несколько осложняло работу над «Некрополем», потому что хотелось бы вместить в сборник еще больше текстов, но объем бумажного издания ограничивает желания. Если же попытаться коротко описать мое восприятие поэзии Андрея, то я бы сказал, что это «шутовская» поэзия – того шута, что всех смешит, но умудряется при этом проговаривать истины, за которые любого другого могли бы и казнить. Или, может быть, точнее будет определение «скоморошья»?

С. М.: Ну вот и стишок Жданова скоморошеский:

В сумраке ночи я воровал
круглые яйца
шершавые хлебные булки
ложились в красный мешок
в своем колпаке
я казался себе
знатоком
а хлебные булки...
хлебные булки...
Ах хлебные булки
и круглые яйца!

Однажды Анатолий Соколов, кстати, старый мастер названий – «Крепость», «Материк», «Спартакровский мост» – так вот, Толя сказал мне: Михайлов, никогда не называй книгу «Могила»... А сам одну из последних книг назвал «Невразумительные годы» и умер вскоре. Вознесенский вытрепнулся: «Дубовый лист виолончельный». Ахмадулина одну из своих лучших книжек назвала без особых затей: «Сад». А Баратынский 27 стихотворений собрал под одной обложкой и... «Сумерки» – классическая поэтическая книга всех времен, ну и народов, наверное. И лишь отголосок, но очень верный по тону – «Фифиа» Олега Чухонцева. Книга, может быть, первого в поколении своем новосибирского поэта Андрея Жданова названа им без всякого стыда и страха «Некрополь». Хлеще было бы только «Персеполис», с посвящением Александру Маке-

донскому от благодарных персов. Хорошие названия: «Щелчок» Глеба Шульпякова, «Кому я вру» Сергея Шубы, «Тюильри» Олега Копылова, «Ножички» Антона Метелькова. А самое неудачное из увиденного недавно – «На побережье пульса» Дмитрия Филиппенко. Алексею Бельмасову бы точно не понравилось.

Актуальная поэзия не есть некое новое направление или симбиоз нескольких новых течений, это не комбинаторика и не переосмысленная архаика, не фольклористика, приправленная эзотерикой, не эклектика из, скажем, акмеизма, неоклассицизма и отголосков метаметафоризма. Это даже не идеологемы, стремящиеся к господствующему положению в социуме и умах людей. Мне кажется, что в зоне актуального поиска находятся почти неразрешимые, но оттого еще более насыщенные, неотложные вопросы. Может ли человек противостоять глобальной энтропии, тотальному давлению технократического канона на первобытное стремление к свободе, в силах ли отстаивать свое всемерно попираемое право быть самим собой? Мне думается, новые книги новосибирцев находятся на переднем рубеже актуальной поэзии, а их отчаянные авторы сдавать этот рубеж без боя почитают для себя не только бесчестным, но и попросту немислимым.

erker 1

Кристина Кармалита. «Сны» (Новосибирск, 2020)

Не знаю, на каком этапе новосибирской словесности обретается Кристина Кармалита, однако же свежайший сборник с незатейливым, но милым названием «Сны» и еще более милым подзаголовком, вынесенным на обложку, – «Поэзия, драматургия» – имеет место быть. Сборник уважил предисловием живой классик сибирской поэзии Александр Иванович Денисенко – почтим и мы, тем более что одно стихотворение Кармалиты вошло в почетную «пятнашку» современных новосибирских стихотворений, составленную поэтом и культуртрегером Антоном Метельковым для модного литературного портала «Формаслов»:

Вот ночь

Никитиной с приветом

вот ночь сгорает на столе
вот капает вода
вот входит путник на осле
в слепые города

вот ночь крепка твоя рука
глаза твои ярки
горят как лампа маяка
на берегу реки

вот ночь на берегу реки
вот вся земля река
плывут ночные мотыльки
на лампу маяка

вот ночь вот капает вода
вот путник на осле
идет сквозь годы города
сквозь капли на весле

вот ночь на корабле весла
вот капли на столе
вот вся земля в спине осла
усталостью в седле

вот ночь светлы твои глаза
темна твоя спина
как волос на хребте осла
как смуты стремена

вот ночь садятся мотыльки
на берег у костра
вот сходит путник у реки
с летящего весла

вот ночь вот звезды далеки
как мысли моряка
дрожат бескровны и легки
как крылья мотылька

вот ночь вот лампа на столе
вот путника рука
по всей земле по всей земле
приветом маяка

Александр Денисенко:

«...Можно сказать, что стихи, вошедшие в сборник “Сны”, перевыполнили поставленные перед ними задачи, и среди них – вернуть аутентичность стертым образам и мифам. <...> И если кому-то не спится – то вот вам в помощь целое собрание сновидений, в которых переплелись и запечатлелись тонкие причудливые состояния нашего сознания и подсознания как некая потусторонняя, эзотерическая составляющая источников творчества, одновременно манящая, но и опасная, требующая осторожности и деликатности, как и определенных навыков и знаний психофизиологии».

erker 2 **Майя-Марина Шереметева. «Рентген крыла» (Москва, 2019)**

В конце прошлого года в Питере довелось мне с другом и единомышленником, куратором музея «Эрarta» Владимиром Назанским побывать на презентации новой книги новосибирской некогда, а с некоторых пор питерской поэтессы Майи Шереметевой. В Новосибирске много лет назад подарила она мне первую свою книжку: роскошно изданная, восхитительно проиллюстрированная великим художником Александром Шурицем и, надо сказать, с весьма неплохими стихами, книжка эта в сибирском нашем Вавилоне прошла почти незамеченной. И вот двадцать лет спустя новая встреча с поэзией Майи Шереметевой, запечатленной в сборнике «Рентген крыла». Честно говоря, впечатление от книги ошеломительное: новая поэтесса на основе фольклорных реинкарнаций, причудливая фоника и полиритмичность, какая-то волшба, но отнюдь не архаичная, а остросовременная. Поздравляю Майю и всех старых и, несомненно, вновь приобретенных поклонников ее стихов с замечательной книжкой, украсившей современное русское стихосложение. И напоследок не могу не привести высказывание выдающегося поэта Олега Дозморова: «Мы имеем дело с не только внешне, но и внутренне оригинальным поэтом. То, что у других выглядело бы стилизацией, здесь естественная открытость фольклорным изобразительным средствам, прямо создающим личную интонацию».

Закличка на божью коровку

божия коровка прилети обратно
принеси нам хлеба небесного живого
на руку слетай на листок тетрадный
угощай нас небом перелетным в слово

озаряй нас-тексты буква живая
из тетрадной клетки выпускай в паренье
радужкой небес зрачок озаревая
ты фонарик божий прорежь нам зренья

Слуховое окно

Слуховое окно – окно в кровле здания, предназначенное для естественного освещения и проветривания чердачных помещений, иногда – для выхода на крышу. «Слуховое окно» – одна из лучших поэтических книг Олега Чухонцева. И наконец, «Слуховым окном» называлась литературная передача Новосибирского радио, выходявшая в эфир в девяностых годах. Одним из авторов и ведущих был ваш покорный (ну, или непокорный) слуга.

Саша

памяти Александра Ибрагимова

Ибрагимова нет
черное Кемерово
не поговорили...
со всем своим углем
восторженный Филиппенко
не выплачет боли
тьнь бельмасовская
в шахту с гостями
провожающая клеть
опускается
после 12
поговорим
Вергилий
римлянин
что ты знал о нас
иль ты Горацій Флакк
Золотаина
знаю
плачет
по тебе Саша

прощай кемеровская александрия
пей Кальсин
Белочка подает до 12
а после 12
не пьем
Саметь
читаем
бедная Наташа
прощай Ибрагимов
на зиму нету угля
Аз и я
плачет
московская англия
кто тебя раскулачит
прощай Александр Гумерович
Куралов плачет
«Державин – Пушкин – Заболоцкий –
Три огнедышащих кита...»
Никонова – Николаева – Золотаина
азбуки перелистывают сиротские
а ибрагимовская поэзия дорога мне
как обретенная Итака

Вальма

И совсем уж напоследок предлагаю вниманию замечательных читателей сравнительно новый стишок собственного сочинения. Не знаю, актуальная ли это поэзия, но со всей уверенностью могу сказать, что, не будь моих молодых друзей и знакомцев, поэтов XXI века, стихи которых грызу как гранит науки, до головной боли порой, до содранной наждаком гортани, не будь их – Жданова, Шубы, Полторацкого, Копылова, Васильева, Магзяновой, Ким, Дурасова, Метелькова, Королева, Полежаева, Шатовкина, Верховова... Не будь их – не было бы и моих новых стихов, стихов последних четырех лет. Спасибо им за смелость и талант!

Старухины дочки

на электричке еду
от Гагаринской до станции Болотная
электрического народа
толпа пехотная
едут тетки с баулами
мамаши с детками
садоводы с рюкзаками
тяпками и черенками
ну и мало ли какого еще
перемещенного люда
ряженные пришли
и под гармошку
любо братцы любо
старуха идет по проходу
бубнит:
лучше быть малым чем взрослым
лучше быть взрослым чем старым
лучше быть старым чем мертвым
лучше быть мертвым чем сирым
подайте люди добрые на поездку в Рим
дай бог здоровья
покорнейше благодарим
и так по кругу
и я за ней по кругу:
лучше быть трезвым чем пьяным
лучше быть пьяным чем глупым
лучше быть глупым чем сбиром
подайте граждане на поездку в Рим...
тут вдруг заканчивается Arizona Dream
люди-компостеры пришли
сиречь контролеры

и по кругу мороженицы
певцы-гастролеры и сызнова
приснопамятная старуха
пригляделся
а она
молодуха
не наряжайте молодую девушку
старухой
воровать станет
воровать станет
окажется в пакистане
а там все кочки
да горячие точки
обрядятся старухами
старухины дочки
и пойдут
пойдут
пойдут
по вагонам
по руке гадать
молодым плотогонам

